

Гаспаре Дори.

ДОН ДЖОВАННИ ТЕНОРИО. Пьеса.

Занавес. Звучит тихая монотонная музыка, которая создает эффект напряженного ожидания. В перезвоне клинков слышны возгласы (музыка меняет темп, становится все ближе и громче, в ней слышен топот и все прочее, чем обыкновенно сопровождается сражение или схватка).

Занавес поднимается. На сцене: обеденный зал, обстановка в стиле 17-го века, с тяжелыми гобеленами, которые свисают с кулис, обрамляющих сцену, стол, сервированный на две персоны, рядом на передвижном столике готовые блюда (цыпленок, кое-какие фрукты и т.п.). Зал заполнен разного рода зажженными подсвечниками, свечами, светильниками, зеркалами: это придает всей сцене несколько потусторонний, мистический вид. На сцене небольшой сейф: несгораемый шкаф, платяной шкаф, буфет, кресла.

Лепорелло занят уборкой, наводит последний лоск: смахивает пыль со всяких безделушек, статуэток и прочего, поправляет занавеси и т.д. У него отсутствующий взгляд, будто сам он вообще не здесь, а дело делается как-то само по себе. На лице его нельзя прочесть ничего, кроме глубочайшего безразличия.

Дон Джованни Тенорио появляется на сцене. Он весь в поту, взмок и слегка потрепан. Одет он в костюм испанского дворянина 17 века. Взгляд у него гордый, на лице написано неколебимое высокомерие и спесь. Старается шагать решительно, хотя явно заметно, что он всерьез обессилен после дуэли. Ноги у него слегка заплетаются, как у подвыпившего. Подходит к краю сцены, останавливается, расправляет плечи, со вкусом потягивается, да так и замирает с распахнутыми руками и в полупоклоне (все жесты подчеркнута утрированы).

ДОН ДЖОВАННИ:

-- Вот после битвы тишина... Ни звука... вот чудо из чудес, которого так жаждал... Тишина... Вот кровный брат всего того, что зыбко, сомнительно и очертаний ясных не имеет, тая в себе томительных предчувствий целый сонм... Предназначение покоя – быть кладбищем любых, любых шумов! Вот его смысл... Мир тишины воистину безмерен... Бесконечен... В нем может всякое произойти, событий баснословных на всякий вкус ты обнаружишь в нем: и волшебство, и чары всякие... Иль можешь ты неспешный разговор затеять с давно ушедшими от нас и с теми, кто жив еще пока, гармонии притом не нарушая, которая объемлет мир, вот так, при помощи одной лишь мысли... И тут... На тебе! (сбрасывает с себя тяжелый камзол – уже расстегнутый – и с ожесточением швыряет его в сторону кулисы) Какой-нибудь один-единственный, нелепый, ничтожный, подлый тарарам – и все летит в тартарары! Ведьма языком слизнула волшебство! Как будто бездна пасть разверзла с адским треском, и хлынули из всех щелей три тысячи чертей на все лады орущих, которые приволокли с собой такую прорву всяческих шумов, что голова вот-вот взорвется, и наизнанку выворачивает жилы, и проклинаешь день, в который тебя на свет произвели!

Эй, Лепорелло (оборачивается к Лепорелло, который продолжает прибираться, совершенно не обращая внимания на хозяина), ты чего как в рот воды набрал, дьявол тебя раздери, до изумленья, брат, ты робок (замечает накрытый стол). А, ну, молодец, молодчина, браво, Лепорелло!

ЛЕПОРЕЛЛО (тоном искренней признательности, с налетом некоторого удивления):

-- Благодарю, хозяин, спасибо...

ДОН ДЖОВАННИ:

-- Видно по всему, ты знаешь, как надлежит с гостями обходиться, какие почести потребно оказать тому, кто честь имеет почтить наш дом своим вниманием (шутливо-церемонным тоном): ты трапезу накрыл такую, что подобает разве королю!

ЛЕПОРЕЛЛО:

-- Весьма польщен, ваша светлость, благодарю, взволнован...

ДОН ДЖОВАННИ:

-- Тебе нравится очаровывать, э? нравится изумлять, и восхищаться своим умением дом вести, искусством этим любоваться...

ЛЕПОРЕЛЛО (смущенно, принимая за чистую монету):

-- Ну, уж, искусство...

ДОН ДЖОВАННИ:

--... Да-да, искусство (слово «искусство» произносит с видимым удовольствием)... в приготовленья блюд изысканных, и в том, как стол накрыт и с чувством сервирован! Серебряные блюда, роскошная супница, из хрусталя бокалы для вина... (обозревает всевозможные предметы, которые в изобилии теснятся на столе, и с каждым из них поигрывает)

ЛЕПОРЕЛЛО (пугаясь еще больше, совсем тихим голосом):

-- Я, ваша светлость, хороший сервиз поставил...

В этот момент Дон Джованни медленно вытягивает шпагу из ножен, лаская, смакуя взглядом каждый сантиметр сверкающего лезвия, затем резко, щелчком, бросает обратно в ножны:

ДОН ДЖОВАННИ:

-- Досадно, брат, что ты такой пугливый! Ты ветерка боишься, от которого трепещет лист осиновый, бедняга Лепорелло (подходит к нему и начинает издеваться над ним, явно желая выставить его на посмешище), и крик совы, ничтожной безобидной твари деревенской, тебя способен в гроб вогнать от страха, ты тени собственной боишься. И на твоём бы месте создал бы я и первым записался в Лигу Знатных Трусов, Лепорелло, пораскинь мозгами: какую б ты карьеру политическую сделал!

ЛЕПОРЕЛЛО (наивно, на голубом глазу):

-- Вы серьезно, ваша светлость?

ДОН ДЖОВАННИ (не обращая внимания на замечание Лепорелло):

-- Ах, кстати, Лепорелло, я кажется, знаком был с тем, кто запросто мог пост занять почетный Президента этой самой Лиги. Есть тут... точнее, был некий тип, единственный, быть может, в своем роде, чьим лучшим качеством была... его жена. Да, Лепорелло, поразмысли: лишь ночью

давешней мне счастье выпало прильнуть к округлым прелестям жены, а этим утром я уже пронзил насквозь надежды мужа продолжить путь земной.

-- О, если б можно было снова воскресить восторги ложа, когда покровы пали, когда волшебный запах благовоний ее окутывает всю и юбка нижняя благоухает, когда сплелись два наших жадных языках сплетенных, когда лицо ее вдруг сделалось такое, как у кошки... И я размножился тогда на десять, сто, на тысячу Джованни и каждый получил блаженство неземное; таким же точно образом тот самый рохля-муж, в ком толики воинственности нет, мог бы, если б захотел, себе представить, что бьется он лицом к лицу не с воином одним, но с целой ротой, батальоном, войском целым, и сам черт ему не страшен!

ЛЕПОРЕЛЛО (потрясенно):

-- Силы небесные! Вы никак опять за старое, ваша светлость? Вы ж давеча обет давали впредь никогда...

ДОН ДЖОВАННИ (не обращая никакого внимания на слова Лепорелло):

-- Ах, как самонадеянно, с какою помпой, каким он пугалом передо мной предстал, ну не чудак ли, право: мол, вот, пылаю страстью и жажду честь отстоять свою, свое достоинство, и все такое, в то время как единственное, чем природа его сверх всякой меры наградила, так это чудовищная доза трусости уму непостижимой!

Я так и вижу эту маску страха на лице! И струйки пота с кровью пополам, которые по лбу сбегают, трясется, будто кролик, и ни рукой не может двинуть, ни ногой, как будто спеленали его мамки как младенца, или столбняк его хватил, и ноги ходят ходуном, стучат коленки – ни дать ни взять, соломенный паяц...

ЛЕПОРЕЛЛО (предчувствуя развязку истории, достает четки, становится на колени, начинает молиться с закрытыми глазами).

-- И сталь опять (ласкает взглядом шпагу, поднимая ее вверх и вращая лезвие) в который раз всем подтвердила свое право именоваться мерилom высшей справедливости, что нам доказывает только то, что меч был выкован когда-то из материи небесной, известной лишь языческим богам, - меч: вот истинный, достойный, верный оруженосец благородных суверенов!

А он святыми заклинал меня, бедняга, звал их в помощь, ха-ха! У ног моих в пыли катался, и пощады, пощады у меня молил, ха-ха-ха!

ЛЕПОРЕЛЛО (вполголоса, но внятно):

-- Святая Бригида, Святой Паскуале, Святой Венцеслав, Святой...

ДОН ДЖОВАННИ:

-- И только... (выхватывает четки и бросает их подальше)... Только смерть прервать способна все эти бабьи причитанья, вот это упоенье собственным ничтожеством и немощью, и неспособностью постичь сей мир, вкусить все, все его плоды, без исключения, ценить в нем терпкость, остроту, превратности судьбы и наслаждаться всем, что в нем сокрыто, используя владыку преимуществ: случай. Поэтому того к себе немедленно призывает смерть, кто жизни собственной не властелин, в руках, в узде держать ее не может, и с ней управиться не в силах. Призывать святых, ха!

Лепорелло тем временем, ползая на четвереньках, ищет четки.

ЛЕПОРЕЛЛО:

-- Стало быть, опять вы, ваша светлость, за старое! Опять за то же самое! Святой Джильберто, Святая София, к вашей помощи прибегаем, заступники наши... не оставьте нас одних во тьме сущих среди бурь и всяких треволнений (смотрит в окошко)... Мамма миа... Мамочка родная... А вот никак и молнии, никак Господь услышал! Ваша светлость, все-таки, наверно, было б лучше... ваша светлость, может надо бы и вам...

ДОН ДЖОВАННИ между тем начинает примеривать разные платья и наряды. Не придает абсолютно никакого значения словам Лепорелло.

ДОН ДЖОВАННИ:

-- Ну, а у тебя, Лепорелло? (Садиться в кресло, начинает стягивать сапоги) Уж у тебя-то точно, Лепорелло, имеются любимые святые, так ведь? И к одному взываешь ты, когда какой-нибудь мошенник из числа твоих дружков сопрет у тебя парочку флоринов, которые ты сам, всех обмишулив, взял, играя в кости. Другого ты зовешь, когда от голода кишки прилипли к ребрам... И нет ни капли мужества в тебе, чтоб смело перед хозяином своим предстать да и потребовать себе краюху хлеба и к ней чего-нибудь еще, ах, Лепорелло! (раздевается, начинает примеривать роскошные наряды, время от времени ему помогает Лепорелло, однако, Дон Джованни ни одним из нарядов недоволен, что-то бормочет, морщится, ни один ему не по вкусу, пока, наконец, не находит то, что его полностью удовлетворяет: в общем, перед нами занятие многотрудное и весьма ответственное).

-- Однако должен обязать я тебя особую сноровку проявить, гаммм... (подходит к накрытому столу, хватает цыплячье бедро, вонзает в него зубы).

ЛЕПОРЕЛЛО (почти плача, умоляюще):

-- Безмерно благодарен, ваша светлость, однако, да будет мне позволено заметить, хочу сказать я, что сейчас не подobaет...

ДОН ДЖОВАННИ:

-- Мы нынче за ценой не постоим...

ЛЕПОРЕЛЛО:

-- Прошу вас, господин...

ДОН ДЖОВАННИ:

-- ... знай же: все алмазы мира пред этим гостем драгоценным – прах земной! Я долго дождался, когда смогу позвать его – её! -- на этот пир, торжественней которого и быть не должно, тут провиденье благосклонно руку протянуло, владыка случай милость оказал, и вот теперь, когда уж все готово к новой встрече, нам снова остается только ждать, ждать....

-- Она себя почувствовать должна здесь королевой, нет, выше: императрицей! Мы как владычице над половиной мира прислуживать ей будем. Мы почести окажем ей такие, каких не видел свет (снимает короткий испанский жилет, который в это самое время примеряет, но мысли его заняты

уже чем-то другим)... И будет она так прекрасна... (вдруг замечает фарсетто: короткую тонкую курточку-безрукавку, брошенную на каком-нибудь из предметов обстановки) ... как была прекрасна та... м-м-м-м... Господи, да как же ее звали?

ЛЕПОРЕЛЛО:

-- Костанца, ваша светлость, однако ж...

ДОН ДЖОВАННИ:

-- Костанца, да... Костанца... (подносит фарсетто к лицу) из всех чистейшая, благочестивая как добродетель, вся—целомудрие и непорочность, цветок, проросший из-под снега, белей, чем самый белый снег, и нежная, нежней, чем самый нежный пух... Костанца... невинное, сладчайшее дитя...! Тебе я клятвы расточал, клянясь любовью неземной и вечной, обет давал, что никогда ничто меня не оторвет от такого клада, в котором что ни тронь, то драгоценность... И вот однажды... Случилось мне быть с глазу на глаз с маркизой, донной Асуньсьон, той самой, у которой глаза распутной ведьмы, она с ума сходила от меня, и как-то так само собой сложилось, я даже ни о чем подумать не успел, как руки наши вдруг переплелись... Мы стали забавляться... Мой фарсетто она с меня сняла, им овладела и его, оттягивая миг блаженства, за складкой складка, уложила в наши руки, сплетенные вот так (показывает игру руками)

-- ... похоже на летящую голубку, правда? И колдовство пьянящей донны Асуньсьон, соединяясь с моею силой, готовой лавой огненной истечь, казалось, превратило фарсетто в живую тварь, которая трепещет и горит желаньем...

-- и тут, на самом интересном месте явилась ты... я тебя заметил слишком поздно, точнее, не тебя, а будто сотканный из света и небесных нитей облик... ты шляпку сорвала с себя, швырнула наземь, и бросилась бежать... так легкий утренний туман, так тучка белая бежит, ложится-стелется по-над зеленой травкой... Костааанца! Костааанца! (утыкается лицом в фарсетто) вот так свои земные дни ты завершила, ты юности цветущий дар преподнесла глубинам мрачным озера, оно, разинув пасть, его и проглотило с наслаждением...

-- Тогда-то я впервые ощутил плечами свод небесный: всю тяжесть своего таланта. Открылось мне мое призванье: искусство ранить ближнего смертельно, попасть туда, где у души живое бьется сердце, вверх дном перевернуть жизнь тех, которые и сами отдать готовы душу за меня, и любят, любят бескорыстно... Я понял: мне дарован свыше небывалый, ни с чем не соразмерный дар, который небо на меня взвалило, поскольку именно во мне нашло оно того, кто с этой ношей справиться как должно (бросает фарсетто в раскрытый несгораемый шкаф, вроде небольшого сейфа; потом он будет проделывать то же самое и с другими вещами, которые, как в случае с фарсетто, будут для него толчком к воспоминаниям).

-- Есть среди нас такие, что рождены для зрителей в партере, чтоб голосом своим их ублажать, и ничего другого им не надо, не признают они иного божества, кроме бельканто: «Коль танцева-а-ать ты, юный граф, захочешь, уж я тебе гита-а-арку подарю... гита-а-арку подарю» (Поет и изображает, будто брэнчит на гитаре).

-- Есть еще и те, что чувствуют в себе особое призванье: себя похоронить с молодых ногтей заживо во мрачных, тесных каменных мешках, там бормотать невнятные слова, в которых нет ни капли смысла, и эдак день за днем одно и то же, и разницы меж днями нет у них... таким манером тщатся они себе местечко в вечных куцах как-нибудь отхлопотать...

ЛЕПОРЕЛЛО:

-- Да, ваша светлость, так оно и есть, но... вы ж обет давали никогда впредь в такие дела не впутываться, сами говорили, что устали, мол, пора, мол, на покой... Обет давали быть доб...

ДОН ДЖОВАННИ:

-- Я? Никогда! Я говорил, что я... (берет зеркало, начинает разглаживать морщины, гримасничать) Я от этих штучек держусь подальше, я не такой как всякий там... Доброта, терпимость, скромность, воздержанность... (хватает Лепорелло за воротник) ... Эти штучки бабушкам годятся, которые на мессы ходят, и в самый раз для прачки неотесанной, да, может, для пузатых буржуа, смиренно чахнувших с любимым толстым брюхом... Я не таков!

-- Вот глаза... В них крепость самых прочных цитаделей, когда горят, то кажется, что целые леса огнем объаты, в их пучине не раз тонули, шли на дно такие корабли, которые избороздили океаны и вал девятый был им нипочем... (садится на табурет) А что достоинство, что честь? Фуй!

-- Морщины... Расскажут разве о достоинстве морщины эти, которые и плач и смех в моменты высших наслаждений обрамляли... Морщины, да... Не счесть разнообразных выражений, которых не знавало это вот лицо, скольких женщин заворожило, совратило оно вначале чертами еще совсем зеленого, цветущего юнца, а после зрелого, в себе уверенного мужа, а после человека вообще без возраста... Да! Ты всегда изрядным фокусником был, Дон Джованни, полу сатир полу насмешник, ты гром и молния, землетрясение, ты... Ты, если вывернуть карманы у того, что люди называют правдой, да хорошенько там пошарить – ты, Дон Джованни, изнанка истины... лаа, ла ри, лари-лари-лари, лаа, лари-ла-ри-ла-ри (начинает подводить себе брови карандашом и напевать заунывную песенку без слов— смотрит на себя в зеркальце, видно, что для него смотреть на себя мучительно – движения неуверенные, рука с карандашом подрагивает; в то время, когда начинает обводить карандашом глаза, на лице появляется издевательская усмешка).

-- Довольно, хватит! (резко вскакивает, ногой отшвыривает скамейку для ног, на которой сидел, зеркальце при этом держит в руке). Что толку в этом жалком романтическом нытье, которым тешат себя одни разочарованные дамы? (Быстро поворачивается к Лепорелло, с таким видом, будто это Лепорелло, а не он сам сейчас расчувствовался, бросает в него карандаш). Ты б никогда до этого не опустился (опять подносит к лицу зеркальце, смотрит на себя почти со злостью), такого ты себе позволить не посмеешь, тебе не ведомы все эти... ты даже близко с этим не знаком... с тем, что такое поражение... Ты... Ты не знаешь, что такое... муки ада ... Но ты рожден чтоб миру бросить вызов!

Вытаскивает из ножен шпагу и точным ударом, как саблей, срубает свечу.

-- Вспомнилась мне, кстати, та старая цыганка, которая хотела мне будущее предсказать, ха! Совсем ума лишилась, дура! Помнишь, Лепорелло? Эй, помнишь, как в тот раз я от души повеселился?

ЛЕПОРЕЛЛО (смирненно, словно он уже сто раз разыгрывал эту сцену):

-- Да, ваша светлость...

ДОН ДЖОВАННИ (в роли цыганки, шутливо, с натянутой улыбкой):

-- Ай, барин молодой! а дайте, барин, вам я погадаю, и все, что было и что будет, все расскажу как на духу! Не отвергайте скромный дар цыганки! Принять его извольте, ваша милость, у вас, я вижу, жизнь исполнена тревог и злоклучений, засады, козни... Врагов, готовых всякий час наброситься на вас, тьма тьмущая, короче, ваша светлость, вам лучше будет знать свою судьбу...

Выходит из образа цыганки, быстро и с нетерпением обращается к Лепорелло:

-- Ну, что же ты? Как я ей ответил, эй, что я ей сказал?

Лепорелло явно не хочется отвечать.

-- Ты что, язык себе, невежа, отморозил, несчастнейший из слуг?

ЛЕПОРЕЛЛО (со скучным видом, исправно повторяет слова Дона Джованни, которые надо сказать и которые тот когда-то произнес, пытаюсь при этом встать в благородную, даже героическую позу; в итоге получается карикатура):

-- Старуха наглая! Да как посмели вы обращаться к самому Дону Джованни в таком тоне? Что за манеры? Я будущее сам себе творю вот этими руками, и вот этой шпагой! Благодарите небо, что не отвесил я вам увесистую затрещину, а надо бы, и если я пока еще этого не сделал, так только потому, что мне вас просто жаль!

ДОН ДЖОВАННИ:

-- Н-да, брат... актер из тебя явно никудышный! (опять в образе цыганки) Не должно гневаться такому благородному синьору, позвольте лишь прочесть мне будущее ваше, в своем желании узнать свою судьбу себе препятствовать не стоит...

ЛЕПОРЕЛЛО (за Дона Джованни):

-- А, была -- не была! Но только быстро, ибо секунда, потраченная зря, равна для Дона Джованни целому дню простого человека!

ДОН ДЖОВАННИ (в образе цыганки):

-- Так слушай, Дон Джованни: древо жизни цвести не будет вечно, и плоды его иссякнут, начнется вскоре увяданье, и по весне на нем не будут наливаться и матереть как прежде почки (поднимает руку с колодой карт, резко достает одну карту из колоды); вот карта первая, и это солнце, но только черное: ты заставишь всех уважать тебя, и трепетать перед тобою станут все твои враги; (достает другие две карты) вторая и третья карты -- звезды и единорог: в них подвиги твои, все приключенья, сраженья, битвы, схватки; четвертая и пятая карта -- короли: ты станешь шпаги королем, и королем среди любовников: никто тебе в любви не будет равен (начинает шагать медленнее, слегка покачиваясь); шестая и седьмая карты -- валет к деньгам и колесо фортуны: мук голода ты не познаешь никогда (шагает по сцене все быстрее и быстрее); восьмая и девятая карты -- на виселице висельник и дама белая; десятая карта, ахххх! (начинает бегать вокруг стола, на лице ужас) Дама, женщина... Она тебя погубит... и выпьет кровь твою...

Вновь в образе Дона Джованни:

-- Фьють, вжик (показывает удар шпагой наотмашь) -- и нет ее, как будто бы и не было совсем.

Выражение ужаса не исчезло полностью, взгляд меняется постепенно... Осматривается:

-- Так, значит, дама? Женщина меня погубит? Мне пустит кровь, вопьется, выпьет, высосет ее до капли из меня (с сарказмом) какая ж это женщина (вымученно улыбается) такая? Ха-ха-ха! Не на того напала, ведьма, выбрала ты явно не того с твоей охапкою зловещих предсказаний, мне их с тех пор и по сей день пророчили и прочат сотни женщин, так что... Можно сказать, ты мне удачу принесла своими картами смешными (швыряет колоду в несгораемый шкаф)... Поскольку дамы... Из всех союзников моих, надежней милых дам, ценнее и дороже, нет никого, женщины – сообщницы мои, они мне преданы до умопомрачения, беззаветно... А ты, в которой ума не набралось бы и с гречишное зерно, с понюшку табаку, ты в этом ничего не понимала, и все твое искусство ворожбы не помогло тебе избежать жалкой участи в тех призрачных местах, куда тебя отправил Дон Джованни!

Руками показывает, будто тасует колоду карт; и показывает, какую карту вытащил:

-- Висельник (мимически показывает веревку, на которой висит удушенный); белая дама (сдавливает лицо ладонями, губы дудочкой, глаза долу – как у жеманной девы); и денежный валет (скачет на воображаемом коне).

-- Ха-ха-ха-ха! А почему, к примеру, не трактирщик (надувает щеки, прихлебывает из воображаемой бутылки), иль не придурок городской(принимает идиотическое выражение), не сущий голодранец (подходит к накрытому столу)... А вот где карты наготове посчастливей, они-то нам удачу принесут, не сомневайся: цыпленок жареный(кусает), за ним яйцо, тушеный зайчик; либо... Ах, да, едва не позабыл еще я те, которые особо мне по сердцу: молния, которая с небес разит попа (показывает траекторию полета молнии), старик беззубый (произносит так, будто у него нет зубов), вши и блохи (подскакивает и махает руками), а также задница какой-нибудь кормилицы дебелий (с размаху хватает воображаемое место...)!

--- Ах-ха-ха! (опять садится на скамейку, хохочет чересчур натужно и громко; смех явно ненатурален; на самом пике смех вдруг резко угасает; Дон Джованни испускает короткий вздох; дышит тяжело, мрачнеет):

-- ... Будущность... какое слово: будущность... Когда оно наступит? И какое будет? (меланхолично, потом пытается приободриться и прийти в себя). Но перед нами ужин! Да-да, ужин,... Гостеприимство наше и почет желанной гостье мы окажем, как требует того ее и наша честь (надевает рубашку с кружевами)! Лепорелло-о-о-о! Зловредный раб, прерви свое безделье и приступай к приготовлениям!

Лепорелло встрепенулся. Открывает буфет, достает оттуда бутылки.

Лепорелло:

-- Ваша светлость, вы меня, хозяин, здорово беспокоить изволите, потому как-то, ваша светлость, что у вас на уме, оно не надо бы, оно как бы чего не вышло... Ваша светлость, дозвоьте-ка лучше вас сопроводить в постельку, ей Богу, а я бы вам подал ночную рубашку, колпак, грелку, ваша светлость, поспите малость крепенько, а там проснетесь как огурчик ...

ДОН ДЖОВАННИ:

-- Молчи, трусливый кролик! Чего ты в этом смыслишь? С каких ты пор имеешь право раздавать советы? Да я... Хочу.. (говорит с расстановкой, так, словно пытается вбить смысл сказанного в голову Лепорелло) Хочу чтобы она... войдя в мой дом... чтоб ей почудилось, как будто оказалась

она за дверью рая, я райских птиц хочу, чтоб воспевали ее имя, я райского хочу благоуханья, которое б волнами переливалось из коридора в коридор, по комнатам, дворам, собою наводнило каждый уголок укромный этого имения, хочу я музыки такой, которая б звучала непрерывно, вдыхая жизнь в ларцы, диваны, кресла, гобелены, шкафы, картины, платья, дерево, железо оживляя, чтоб все запело и пустилось в пляс, и в танце этом сжать ее в своих объятьях... Да, история запомнит этот праздник, праздник для двоих, когда, как две планеты в сердце мироздания, мы наконец сомкнем тела в объятье вечном...

-- Цветы... (берет цветы, рассыпает их по сцене)... Цветы всех форм, оттенков, красок, от крошечных до самых пышных, она по ним пройдет... и под ее ступнями они раскроются, распустятся бутоны, они шептать ей будут: царица наша, королева,... Богиня... Моя... моя богиня... одной единственной ею, одной...(подходит к сейфу, наклоняется, смотрит внутрь, начинает рыться) Ее одну я вождедею, алчу (бодрится, говорит через силу, заметно, что ему неможется, он преодолевает резкую боль внутри тела), только ей одною я обладать хочу, пока на небе светят звезды... драгоценнейшая, ценнейшая из всех сокровищ, которым нет цены... единственная... А вот вино!

Приближается к столу:

-- Хочу, чтоб на столе стояли лучшие из вин, которыми славна Европа! Вина Бургундии, и с берегов Луары; хочу испанских, итальянских вин; кальвадос, херес, кьянти и аммонтиладо! Хочу, чтоб хлынуло оно как реки в половодье и заструилось по пересохшим руслам наших ртов, гортаней, вен (садится, Лепорелло наполняет бокалы разными винами из бутылок). Мы пить их будем до пьяна, а когда наш дух насытится, расправит крылья, воспарит, мы будем говорить..., Мы будем разное рассказывать друг другу..., я ей, а мне она... И мне тогда откроются все тайны, что она таит на сердце, и мы от тайн свободны станем, сердца откроются, а после... Мы смеяться будем так, что от смеха станет дурно, в веселье мы утопим наши силы и исчерпаем их до дна... Да,... неудержимое веселье станет приправой достопамятного пира! (Говорит натужно, через силу, так, словно пытается сам себя в этом убедить, будто сам полностью не верит в то, что произносит; в словах проскальзывает робость и даже испуг, особенно когда говорит о веселье; заметно, что приступы боли становятся все серьезнее).

Лепорелло тем временем, во время этого монолога, выходит в центр сцены, садится в кресло спиной к публике.

Дон Джованни вынимает из сейфа, это Пульчинелла, надевает его на правую руку. Голос у Пульчинеллы тот же, что и актера который играет Лепорелло; говорит с ярко выраженным неаполитанским акцентом.

ПУЛЬЧИНЕЛЛА:

-- Готов поспорить, что тут уж вы повеселитесь от всей души, Дон Джованни!

Ох, сдается мне, будет интерррресненько, жутко интеррррресненько, самым преинтересно интересным обрррразом интерррресненько!

ДОН ДЖОВННИ (на лице удивление, улыбается):

-- А ты тут чего делаешь?

ПУЛЬЧИНЕЛЛА:

-- Добррррый вечерок, почтеннейший, благороднейший Дон Джованни! Да вот, пришел взглянуть, как у тебя пойдет на этот раз, хочу малость посмеяться!

ДОН ДЖОВАННИ:

-- А так и быть! Оставайся, насладись и ты достойным зрелищем! Ты... (смотрит на Пульчинеллу) Ты был любимой игрушкой Мариэллы, одной совсем еще девчонки, неаполитанки, вызывающе красивой; уж как мы с ней смеялись вместе,... ах, могло бы пойти иначе, да ее папаша престарелый, брюзга и негодяй, свой нос привык совать куда не надо... Если бы не он, еще бы мы не так повеселились (встает)! Мариэлла! Совершенство изваяло ее из красоты, из юности, из легкости беспечной... Навеки я б хотел владеть тобой!

ПУЛЬЧИНЕЛЛА:

-- Яд, Джованни, яд...

ДОН ДЖОВАННИ:

-- С ней хорошо порхать вдвоем, лоя крылами воздух, она была как бабочка, ее предназначенье целоваться с ветром и солнцу губы подставлять, а не томиться там, куда ее упрятал этот грязный крот, сидеть все время взаперти и никогда не видеть света!

ПУЛЬЧИНЕЛЛА (настойчиво, стучит Дона Джованни по голове):

-- Дон Джованни, яд!

ДОН ДЖОВАННИ (рассвирепев):

-- Ну, ладно, так и быть, безмозглая ты кукла! Но я не виноват, мне самому клялись, что этой дозы зелья отмерено чуть-чуть, и ровно для того, чтоб он уснул, и спал всю ночь, не просыпаясь. Так Мариэллу я всего лишь попросил немного капнуть ему к обеду в супчик... Наедине мы наконец остались, и ночь любви незабываемой была!

ПУЛЬЧИНЕЛЛА:

-- Вот потому-то и незабываемой, что ты забыть не можешь, это зелье, яд, Дон Джованини, это ты папашу спровадил к праотцам, да ты убийца грязный, Дон Джованни!

ДОН ДЖОВАННИ:

-- Не я, его убило потешное призванье тюремщиком служить, не состоя на службе!

ПУЛЬЧИНЕЛЛА:

-- Призвание тюремщика вообще-то называлось Мариэлла, вот что его призывало, она же дочь его была!

ДОН ДЖОВАННИ:

-- С чего ты взял, что мучают меня угрызенья совести из-за смерти какого-то дряхлого пня? Мир, без сомненья, лучше стал, когда всех нас навеки покинул этот одиозный тип!

ПУЛЬЧИНЕЛЛА:

-- А та петля, Дон Джованни, петля? Ты что, забыл про петлю, которая увенчала ту ночь любви, э? Дин-до-ло, дин-до-ло, как здорово и весело болтаться под потолком на фе-е-ерме (напеваает), дин-до-ло, дин-до-ло!

ДОН ДЖОВАННИ (в ярости):

-- Замолчи! (Бросает в шкаф Пульчинеллу; уставившись перед собой в пространство):

-- Утром... когда я сообразил... когда уж все случилось... я не успел ее остановить... она тогда сказала, что в конюшню ходит, чтоб попрощаться там с конем... когда ее нашел я, то увидел... тонкий ручеек сбегал из края рта... и злосчастный Пульчинелла, внизу, под ней, она всегда его с собой таскала, должно быть, и в последний миг он был в ее руках...

-- И что с того? Да, Мариэлла умерла, и что такого? Да, умерла, но не от моей же руки, а из-за любви; она заплатила дань высшую, ту самую, которую мечтают заплатить все женщины, ту, о которой бредят. А я всего лишь чувство это удовлетворил, я был лишь средство, но не палач!

Самоуверенность его явно покидает, он, пошатываясь, начинает ходить по сцене, трет пальцами виски. Видно, что близок к отчаянию.

-- Что за напасть? Во имя всех богов, что за змея огромная вползает в душу? Чего потребует она чтобы насытить свое ужасное потомство, которое произведет на свет там, в голове моей? Она уже вскипает кровью, и адский рев все возрастает... У меня... Сейчас внутри все разлетится на куски, ахх!

Сгибается пополам, встает на колени, глаза закрыты.

Лепорелло спешит ему на помощь.

ЛЕПОРЕЛЛО:

-- Ваша светлость, хозяин! Господи Боже, давай теперь уж ты приди ему на помощь ему, я в этом деле не мастак, разве только винца ему побольше, чтоб запьянел... Ваша светлость, сейчас мы все поправим, не убивайтесь так...

ДОН ДЖОВАННИ: (словно не слышит Лепорелло):

-- Но зачем так, за что... кому и что я должен... что я такого сделал? Нет, я не заслужил ни кары, ни единого упрека. Мне смотреть назад не надо, проку в этом нет, и никому оглядываться в прошлое не должно, тем паче Дон Джованни! Что, может, Александр Македонский ночами, под полную луну, изводился призраком царя Дария? Или, может быть, Августа оплакивал Марк Антоний, пренебрегая управлением империи? Терзает ли себя образом убитой жертвы лиса, когда сама поела и накормила ей своих щенков? Нет, глупость, дряблость, немощь – им не место в этом доме, отсюда их навечно я прогнал взашей!

ЛЕПОРЕЛЛО:

-- При чем тут лиса, ваше сиятельство? И кто такой этот Александр, вы это о чем? Я не понял ни бельмеса, и никого из них не знаю, но до смерти боюсь чего-то...

ДОН ДЖОВАННИ:

-- Нет, не было такого и не случится никогда, чтоб Дон Джованни от собственной природы отрекался! Никогда он грязью не швырнет в свои анналы, в свою историю, и в летопись свою, в которой все, чем наградила его счастливая судьба! Не будет никогда, чтоб сокрушался Дон Джованни над тем, что прежде ему служило утешеньем и радовало душу до глубин! Найдется ли на свете хоть один судья, который смог бы мне предъявить вину любую, не опасаясь, чтоб его вердикт я б не засунул ему в глотку, вместе со всеми его позорными и гнусными грехами, которые он прежде сам и совершил?

ЛЕПОРЕЛЛО: (умоляюще):

-- Это уж чересчур, ваше сиятельство, не надо...

ДОН ДЖОВАННИ:

-- В силах я, вершитель судеб, тебе помочь изведать праведную кару, не самую жестокую из тех жестоких кар, что ты достоин, прежде, чем ткнешь ты указующим перстом в мою персону!

Разъяренно:

-- Лепореллооо, сейчас будет венчание на трон!

Идет к кулисе, колени полусогнуты, шаркающая походка; кажется сразу постаревшим; Лепорелло рядом, но Дон Джовани его словно не видит:

-- Куда ты испарился? Пошел слегка утешить инстинкты грязные, изменщик старый? А впрочем, я сам, сам все приготовлю, но я тебе припомню, как погубил ты такой ответственный момент! Такой ответственный и важный!

Негодую, возвращается от кулисы в центр сцены. Походит к сейфу, машинально достает оттуда черную вуаль.

-- Нет, я себе позволить не могу, чтоб случай этот ускользнул, я упустить его не должен: права не имею; все уж готово, и теперь уж... (закрывает глаза встает на колени).

-- А вот и голос зазвучал... т-с-с-с... это сестры Роха, которые меня зовут, вы слышите?: «Джованни, наш возлюбленный, приди к нам!» Во всей Андалузии не найдется и до сей поры таких горячих, пылких женщин, Ортензия и Чечилия Роха... И обе от меня с ума сходили. Ах, эти вечера в амбаре, среди снопов, солома сладко так покалывает кожу... запах сена... поцелуи Ортензии... нежность Чечилии... «Женись на мне!» кричала первая; «На мне!», ей вторила другая. И без конца мы повторяли, торжественно, один и тот же обряд священный: «Хочешь ли ты, Ортензия Роха, взять в мужа присутствующего тут Дона Джовани Тенорио?» «Да, хочу!»; «А ты, Чечилия Роха, хочешь взять в мужа...?» «Да, да хочу всем существом моим!» отвечала бурно Чечилия моя (снимает вуаль, кладет обратно в сейф). Вот я... а вот мои возлюбленные, обе... (сажает воображаемых любовниц в ладони, смотрит на них с нежностью). Я рад пройти сей свадебный обряд хоть сотню раз во всех подробностях и ничего не упуская, с каждой ... вы обе совершенны во всех смыслах... великолепны обе...

-- Ах, милая Чечилия (смотрит на правую ладонь, левой рукой ласкает воображаемую Чечилию), как твой гибок стан! Мы так усердно грехи с тобой творили, неужто хочешь ты чтоб я еще и был твоим супругом? а? Доверчивая, нежная Чечилия! И ты Ортензия (поворачивается налево), один твой полный вождельенья взгляд воспламенял меня до кончиков волос, среди женщин нет

чудеснее тебя, ты чувствую только покорялась, вся во власти страсти, как рабыня, ты юная Елена, младая Афродита, каждого греха оттенки желала разделить со мною ты... ну нет, куда же ты, Ортензия? (провождает глазами Ортензию; встает; в глазах его удивление и подавленность уныние). Останься, раздели со мною мой триумф (поворачивается влево, та же сцена). Нет, Чечилия, не повторяй сестры поступка: где еще отыщешь ты супруга, готового любим твоим желаньям потакать?

-- Ну, вот я и один... один остался (голос подавленный, плачущий; больше из этого состояния он не выйдет).

ЛЕПОРЕЛЛО:

-- Нет, тут я еще с вами, ваше сиятельство, и если вы в рассуждении насчет ужина, так я давно уж вам толкую, за этими делами ужин-то мы с вами не пропустим, э?

ДОН ДЖОВАННИ (снова роется в сейфе):

-- Женщины! Лгуньи неблагодарные, фальшивые насквозь! Что вытворяете со мной, как смеете? Как можете? Хотите осушить источник, который утешенье вам давал, когда вы были жаждою томимы? И сбросить руки (смотрит на руки потрясенно), вырваться из рук, которые свое тепло отдали и в которых отогрелись ваши застывшие, оочевшие от холода тела?

-- Ах, как бы я хотел, чтоб хоть Эльвира была бы здесь, со мной, чтоб она узрела своего Джованни, с ним разделив сей вечер ликованья! Она была из всех само искусство, опытна, умела, как никто узоры ласк на страсти полотне за слоем слой, как опытный художник, едва касаясь кистью класть, моя Эльвира; и все-таки, когда меня узнала, все твои познания улетучились как дым. Таков был жар любви великой! Хоть целый век потратить на изученье всех светил небесных и чисел магию, ни кабала, ни звезды не смогут предсказать тебе твою злосчастную судьбу и будущее. Случилось, я от тебя устал, наскучила ты мне, и я тебе однажды открылся, что мое сердце занято другой, моложе и свежее. Тогда твой разум погрузился в лабиринты, где все темно и очертаний ясных нет: земля и солнце, все моря на свете, вселенная, все для тебя померкло. По целым дням ты пальцами сосредоточенно водила по узорам старых кресел, резьбу консолей изучала, канелюры на пилястрах, вязала узелками простынь, да в комнате своей сажала можжевельные прутья, одна, совсем одна, людьми забытая и Богом.

-- Но попыталась ты убить меня, Эльвира. Да, ты желала ты моей смерти, и может быть сегодня такой счастливы случай тебе и выпал бы, но тогда... Тогда вмешалась моя гордость, я почел себя обязанным ответить на этот умысел и воспрепятствовать ему. Ведь это я, Эльвира, был тот самый, кто братьев твоих подвел к решению, чтоб заточили, заперли тебя в самом неприступном из крыльев замка. И когда засовы за тобой замкнулись, я выкрал и унес с собой вот этот ключ (достает из сейфа ключ, старинной выделки). Да будет сей символ безумия женщины, потерявшей рассудок из-за возлюбленного, напоминанием всем тем, кто покусьтся на жизнь Дона Джованни Тенорио!

Поет, взгляд как у сумасшедшего:

-- Дон Джованни мертв, да здравствует Дон Джованни! Дон Джованни мертв, да здравствует Дон Джованни! На небе ангелы поют и на земле мир, и благоволение, во веки веков, Дон Джованни!

ЛЕПОРЕЛЛО:

-- Да что же это вы такое говорите, ваше сиятельство, грех все поминать все, что...

ДОН ДЖОВАННИ:

-- Так распевала с ума сошедшая бедняжка, и сейчас, кто знает, может она на меня сквозь стены видит из своей несправедливой темницы... Должно быть, ей приятно таким вот видеть своего Джованни, которого так пылко обнимала раскаленными севильскими ночами.

-- Ле... по.. ре... лло...

Голос сдавлен, взгляд опустевший, пытается подзвать жестами, но руки не слушаются; вдруг принимает сосредоточенный вид, задумывается на мгновение, затем:

-- ... Ладно, я сам, я сам все сделаю, я сам управлюсь с этим! Не должен и не может человек свободный зависеть от причуд какого-то слуги... (берет из шкафа плащ, накидывает на плечи; измучен болью до предела).

ЛЕПОРЕЛЛО (в сторону, сам с собой):

--- Может, надо чего-нибудь этакое сделать,... да не знаю, что, Уж таким я уродился, нет у меня...

ДОН ДЖОВАННИ (подходит к сейфу, роется, достает бумажную детскую корону):

-- Я сам управлюсь... (берет бумажную корону, смотрит на нее, потом очень медленно надевает на голову).

ЛЕПОРЕЛЛО:

-- Может, надо заделаться слугою Дона Паскуале, он предлагал, ну, в свой черед...

ДОН ДЖОВАННИ (опять роется в сейфе, достает оттуда настоящий графский жезл):

-- Я сам, я сам управлюсь... (хватает жезл).

ЛЕПОРЕЛЛО:

-- Но, с другой-то стороны, и жена меня не подарок, и тоже с придурью...

ДОН ДЖОВАННИ:

-- Это...

ЛЕПОРЕЛЛО:

-- Да и платить мне там будут меньше...

ДОН ДЖОВАННИ:

-- ... Вот облаченье настоящего монарха! Оно одно законно подобает властителю греха, царю гибели, и королю злодеяний, позора, богохульств и святотатства, всех видов ласк и поцелуев, раскатов смеха и безмерного страдания, королю силков, ловушек, западней, подвохов, лжи королю, и суверену низкой трусости и высших проявлений героизма, и королю всех женщин на

земле... Только в этом одеянье (осматривает себя), только так угодно мне предстать перед
достойнейшей из королев...

Резко сгибается пополам от нового приступа боли:

-- Ах, если б можно было с корнем выкорчевать эту язву – рак -- порок ужасный, что мне члены
разъедает! Если б мог я вырвать сам себе кишки, язык и сердце, чтоб смолк на время этот жуткий
вой, который, ревет, клоочет в голове, и хоть на миг умерить эту режущую боль, как будто кожу
кто с меня живьем сдирает и кости молотом дробит, и нет покоя мне...

ЛЕПОРЕЛЛО:

-- На помощь, помогите, вам помощь нужна, эй, зовите доктора! У моего хозяина колики!
(вполголоса) Матерь Божия, утешительница, силы небесные, Господи Всемогущий, всех казней
египетских искупитель, святая Эрменгильда Коленопреклоненная...

ДОН ДЖОВАННИ:

-- Нет, не годится (разгибается, пытается держаться царственно), аз есмь король!.. я должен и
вести себя по-королевски... А чем у нас обыкновенно занимается король (в замешательстве)?

ЛЕПОРЕЛЛО:

-- О чем вы, ваша светлость? Какой король?

ДОН ДЖОВАННИ:

-- Он управляет королевством, правит... это означает, что первым делом я должен добыть себе
какое-нибудь королевство.. Это не такое уж легкое дельце... Это должен быть немалый подвиг:
деяние... А впрочем, ладно, об этом я подумаю попозже.. Чем он еще помимо королевства занят?

ЛЕПОРЕЛЛО:

-- Я, ваша светлость, точно знаю, чего обыкновенно делает король в такой вот час... Он, ваша
светлость, баиньки идет! И от праведных трудов отдыхает, ваша светлость, потому что день был
хлопотный, ...Вот и мы, ваша светлость, пойдете-ка в постельку, Бог свидетель, вам это сейчас в
самый раз... Господь и то от трудов праведных прилег вздремнуть, а уж Господь-то в этом смыслит
будь здоров, ваша светлость... И то сказать, куда годиться эдак себя изводить да сокрушаться,
ваша светлость, и потом, вы слишком много думаете, а это, ваша светлость, вредно! Вот взять, к
примеру, хоть одного моего кузена, Саверио, который...

ДОН ДЖОВАННИ:

-- Вспомнил! Он обращается с воззванием к поданным своим! Он их призывает! Вот чем
занимается король, но мои подданные -- где? А, к дьяволу! Подумаем-ка мы о наслажденьях, а
остальное все устроится само собой!

Приближается к столу, садиться, восклицает с удовлетворенным видом:

-- Охх, наконец-то, вот занятие, достойное монарха!

(Берет колбаску, старается откусить от нее кусок, но делает это неловко, дергает головой, корона с
него падает).

-- До черт же подери! Мне надо еще малость поупражняться... тут видно, нужен навык... (воскликает, вновь натягивает на себя корону, выпивает полный кубок вина).

Лепорелло:

-- А может, мне бы стоило заделаться монахом... А что? сидел бы себе в келье, и ничего б не делал, а только думал бы, все думал, думал... да молился. Кушал бы с братией, тихо-мирно, в одной большой зале, по утрам слушал бы как птички поют, а по ночам сова эдак «ух-ух!»... Глянешь из окошечка на белый свет, а там на всем рука Божья, его след... А тут, брат, оно не то. Чего тут, собственно, меня касается? Околачиваться день деньской по всем углам, чистить, прибирать, готовить, прислуживать и благоговеть, говорить «да, ваша светлость», «нет, ваша светлость», все понимать и видеть, и... ничего не понимать, служить да кланяться... Ух ты, подгорело!

Выбегает со сцены, почуяв запах погорелого жаркого.

ДОН ДЖОВАННИ (ест):

-- Вчера ночью мне приснился сон... Да, вчерашней ночью отправился я спать, и на душе покойно было, поскольку миссия моя близка к благополучному исходу, и я собою был вполне доволен, и силы чувствовал в себе такие, которые еще во всей красе себя покажут, и я заснул...

-- И мне во сне явился кот (жует), ужасный кот, весь черный и облезлый. Вот он ко мне подкрался, и не успел я приоткрыть глаза, как он когтями мне в лицо вцепился, (одной рукой сжимает кусок мяса, а другой показывает кошачьи когти), и я, во сне проснувшись, проклятьями немедля разразился: «Чего тебе, зверюга подлая, кто ты такой, откуда взялся, как ты отважился изуродовать красоту Дона Джованни?» Тут силы враз покинули меня, и я кота не мог остановить... а тот все продолжал... Сил хватило на то, чтоб только от него лицо отворотить... но стало только хуже... чем больше я сопротивлялся, тем глубже в плоть меня вонзались когти, мне раздирая кожу.. В конце концов, я с силами собрался и стряхнул его с себя и соскочил с постели... И первым делом к зеркалу (подходит к зеркалу)... «Аххх, что ты натворил, котище мерзкий, все лицо мне разодрал до крови!» Тут силы полностью ко мне вернулись, и гнев мой забурлил, не зная берегов... уж руку протянул я, чтоб схватить зверюгу, да разделить его как делает мясник на скотобойне! Но не успел я сделать и движенья, как он стремительно к той двери прыснул... которая была немного приоткрыта... А за ней вдруг оказался деревенский постоялый двор, кот фыркнул мне презрительно в лицо (подражает фырканию кота), потом в окно и был таков...

Возвращается Лепорелло, вносит блюда.

-- Обезображенный животным этим, не мог я допустить, чтоб месть не совершилась, я бросился за ним из постоялого двора, горя надеждою его поймать.. Я побежал быстрее ветра, зверюга впереди, а я за ней. Через долины мы неслись, чрез горные хребты, мы вброд переходили реки, миновали города и села, деревни, хутора и всюду люди криками своими меня задорно подгоняли: «Молодчина, Дон Джованни! Давай! Хватай, держи его, держи!» Я на бегу не мог всех охватить их взглядом, а помню только два крыла толпы по обеим сторонам утопанной тропы, и в ней, вдруг вижу, то мелькнет лицо Эльвиры, то Мариолины, то Леоноры, то Кармен: каждая из них мне шлет поцелуй воздушный и все вместе: «Продолжай», кричат, «все в том же духе, Дон Джованни, дуй во все лопатки!» Я б хотел их приласкать, прижать к груди, но невозможно: я мог их только мельком видеть и продолжать бежать, бежать... «Дон Джованни, не останавливайся!» Так они кричали... Но чем больше криками своими они мне придавали духу, тем более я чувствовал

усталость... Я был почти без сил... А путь наш становился все суровей и суровей, котище по нему меня направил, а сам бежал легко как прежде он... Теперь под нашими ногами были угли горящие и языки огня, ступни горели нестерпимо (изображает боль), я молил хоть одного мгновенья отдыха, но тщетно... Я не мог остановиться, я должен был бежать, бежать, бежать... А пламя вдруг мгновенно обернулось льдом, я, дрожа от холода стужи, поскользнулся, упал, и вновь поднялся, и вновь последовал за этим зверем, который впереди меня летел вперед неудержимо... «Куда несешься, чертово ты семя, не думай от меня уйти, уж я тебя схвачу!» Но лишь сказал я это, как шлепнулся я в лужу жидкой грязи, и чем усерднее я выбраться старался из нее, тем эта жижа выше поднималась, вот до колен она дошла, затем до пояса, и вот... Я в не по горло! Выше, выше... Я задыхаться начал: «Помогите, я смерти не хочу!» И я рванул вверх, что было сил, тут ветер... сильнейший ветер, порывы урагана меня взялись хлестать то лицо, то в спину... (показывает как ветер бьет его в спину и валит на землю).

Падает плашмя на сцену:

-- Потом, внезапно, я остановился как вкопанный... До кота осталось метра три-четыре, но я и не пытался его схватить, я выжат был до капли, сил не оставалось... Я взгляд поднял: передо мною вздымается дивный замок, стены у него покрыты серебром и золотом сияют, окна в бриллиантах и знамена поверх высоких башен... Вдруг музыки божественной раздались звуки, пенье я услышал... Главные ворота замка распахнулись, и вышла юная девица из них, в сопровождении нянек, мамок и кормилиц, да еще шутов придворных, которые как обезьяны кривлялись в пляске... На вид она была мила, черты ее напоминали облик матушки моей... Нет, быть того не может, сказал я сам себе... И тут она ко мне приблизилась и нежно прошептала: «Джованни, моя хозяйка там, в покоях замка... вся истомилась от любви к тебе... к ней поспеши и ждать не заставляй, она и без того ждала так долго...». Но у меня на вздох дыханья не хватало, не то, чтобы ответить этой деве с чертами мне столь близкими, почти родными... хотел бы я побольше разузнать и об ее хозяйке... Не мог я вымолвить ни слова, потом вдруг сразу вспомнил я у меня у самого лицо обезображено кошачьими когтями, и стало ясно, что любая дама, хоть по уши влюбленная, меня прогонит тотчас прочь, едва увидит пред собою этот ужас... Слезы подступили к горлу, уж я и разрыдаться был готов, и.. Я опять заснул... а... потом... (постепенно приходит в себя) Я пробудился и прямо на моей постели, свернувшись калачом сопел себе добрейший толстый кот, такого, темно-пепельного цвета, а впрочем, нет, скорее черный... Кто знает, может, пролез сквозь дверь из кухни, привлеченный запахами лакомств, которые бедняга Лепорелло наготовил...

-- Едва заметил он, что я проснулся, как потянулся он, на мягких лапах ко мне приблизился и заурчал: фрррр... .. Уже потом... Потом я обнаружил, что в кухню нога слуги и вовсе не ступала, такие вот дела...

ЛЕПОРЕЛЛО:

-- Ваше сиятельство, я этого кота не видел никогда в жизни, ума не приложу, как это он умудрился в дом пролезть, я лично все окошки и двери запер из-за грозы... Ваше сиятельство, я вам вот что скажу: этот черный котяра – это неспроста! Тут замешан враг рода человеческого, вот что оно такое... Ваша светлость, пойдём отсюда, очень вас прошу... Чую, дело тут не ладно, и на душе нехорошо, ...

ДОН ДЖОВАННИ:

-- Итак, ты убежден, что тут речь идет о роковой примете...о предвестье бед и казней...глупый раб... (снова приобретает всю свою твердость, но в его словах проскальзывает нерешительность), Кого тебе и всем уж точно надо опасаться на этом свете, так это только Дона Джованни!

Берет белую простынь, стелет ее на сцену:

-- Во тьме, обычно, любой пустяк уже не то, что есть на самом, во мраке ночи все искажено, до той поры, пока луч солнца не развеет дым того, чего на свете быть не может...(растерян, внутренний конфликт начинает нарастать, в слова появляется горячность) Да уж, так бывает, но вообще-то оно случается не часто, а только с тем, кто духом ослабел... Поскольку сильный духом человек, такой, как ваш слуга покорный, не пятится назад ни перед чем, а паче перед бестолковщиной! Нет в мире сущем ни единой вещи, нет ничего, что его могло бы с толку сбить, заставить трепетать, иль выбить из седла! Два плюс два четыре, а четыре плюс четыре восемь, вот в этом полная, единственная ясность, определенность, четкость, а все остальное бабьи сплетни, небылицы, вздор, сон разума людей из низшего сословья... (в течение монолога, встает на колени перед сейфом, продолжает в нем рыться).

-- Вот брошь, которую мне подарила Кармен, вот веер донны Изабеллы... аххх!(радостно, довольный тем, что нашел нечто необыкновенно желанное).

-- Шаль Донны Анны: ей нравилось ходить по дому совершенно обнаженной, набросив только этот кусок материи на тело, эхх... и моя шпага старая (берет шпагу, осматривает ее, держит двумя руками, когда кладет обратно, делает это с чрезвычайной заботливостью и нежностью) с которой я защитил свою... свою, заметьте, честь!...но не раскаиваюсь, ибо я не грешен... А почему я, собственно, раскаиваться должен? Я разве сделал что-нибудь плохое, я совершил какой-то смертный грех?

Встает:

--Да может ли король быть грешен? Дождаться бы того, кто мне такое сказать решится... Такое сказать мне может лично лишь Господь, поскольку королю не подобает принимать каких угодно эмиссаров, посланцев неизвестно от кого, которые пред ним предстать стремятся. Вот пусть Создатель собственной персоной предо мной предстанет и обратится так, как подобает королю: «Дон Джованни, ты, король того-то и сего-то, божьей милостью тот-то и тот-то (признаки надвигающегося безумия все отчетливее) , ты совершил такой-то, такой-то и еще вот этот грех!»

-- А кому-нибудь известно где, где он точно пребывает, где прячется этот самый Бог, который жизнь своим созданьям даровал? Зачем? Затем, чтоб их навечно заточить в золотые клетки, чтоб не могли летать, и собственное тело им было бы запретно, чтоб не чувствовать, не гневаться, не ненавидеть, не сметь впадать в неистовство и в ярость приходиться?

ЛЕПОРЕЛЛО: (стоит, закрыв уши руками):

-- Ваша светлость, не богохульствуйте, я вас заклинаю...ваша светлость, я вас умоляю, пойдём отсюда, пока не поздно, пока оно не началось...

Дон ДЖОВАННИ:

-- Я в природу верю, в дикую, слепую, вот истинный источник великих радостей и необъятных бед, но настоящих, подлинных... Я верю в движение человеческой души, в ее натуру, в побуждения, в страсть, в силу воли... Я верю в то, что можно каждый день и ночь на ложе всякий

раз ласкать другую женщину, ей очароваться и ее зачаровать, пронзить насквозь, их кожу ощущать, которая трепещет, содрогаясь, в огне несметных поцелуев, их называть своими навсегда затем, чтоб день спустя их вышвырнуть, как будто они отхожие отбросы...

-- Вот моя Благая Весть! Мое Евангелие, мой закон, мой хлеб насущный, который даждь нам днесь (идет к столу, жадно ест и пьет)... Я сам его имею и даю, когда хочу... И если захочу...

ЛЕПОРЕЛЛО: (в отчаянии старается под руки увести Дона Джованни).

-- Ваша светлость, брат Венанцио, мой исповедник, он давно уж мне говорил, что хотел бы вас исповедать, а заодно уж, дескать, имел бы счастье вам писанье малость растолковать...

ДОН ДЖОВАННИ:

-- Кто посмеет перечить мне в моих желаньях? Кто вообще смеет препятствовать свободному человеку? У кого достанет сил и хватит духу сказать мне, что я должен, а чего не должен делать, без риска от моей руки изведать злую участь, и в собственной крови не захлебнуться?

-- Кто? Мужья моих любовниц? Эти тюфяки, в кого ни ткни все размазня, от них на три версты несет духами и за румянами не видно щек (передразнивает манеры утонченного, женоподобного мужчины)? Может, отцы и братья тех женщин, которые меня безумно алчут, вожделеют страстно? Эти, среди которых трус на трусе, ни достоинства, ни чести, и на поступок настоящий по природе своей которые с рожденья не способны? Или я должен дожидаться жестокой мести женского отродья, которое я скопом предал? Ха-ха-ха! (довольно смеется). А, кстати, сколько их на круг? Ах, вот задачка! тут подсчет довольно сложный! Ну, а которые из них имели б мужество ударить в спину того, кто путь им проложил в тот лучший из миров, где лицемерья нет в помине, где лишь любовь всему самодержавный властелин?

-- А порядок заведенный мне тем более не страшен: судьи и жандармы нужны тому, в ком силы нету рассчитаться лично! Не существует в мире ни одной тюрьмы, что сможет сдержать бушующую страсть и гневу помешать чрез край перехлестнуться, такой тюрьмы, чьи стены сдержали б свободнейшего из людей! (говорит в высшей степени раздраженно, с сарказмом и запальчивостью)!

-- Церковь? Вся эта банда попов-монахов-причетчиков-монахинь-епископов-кардиналов-служек-пономарей-всяких там благочестивых праведников и святых – а сверху папа (передразнивает каждого из названных персонажей)? Это вы серьез? Они, вы полагаете, на самом деле что-то значат?

ЛЕПОРЕЛЛО (пока Дон Джованни все это говорит, расставляет распятия, развешивает четки, расставляет фигурки мадонны, обвешивает себя разными амулетами).

-- Боже всемогущий, всемилостивый, на тебя уповаем! Мать Пресвятая Богородица, умоли сына своего снизойти до нас, грешных, и подаждь от щедрот своих мира и душе грешной упокоения! Святой...

ДОН ДЖОВАННИ:

-- Все не то! Не то! Единственное, перед чем я встану на колени, единственное, что достойно уваженья -- это Смерть.

ЛЕПОРЕЛЛО:

-- Не-е-ет!

ДОН ДЖОВАННИ:

-- Но я не боюсь ее. Я уже знаю то, что я ей скажу, когда она предстанет на пороге: я и ты, мы оба из теста одного – я ей скажу – мы сделаны из той же магмы цельной; и эта магма, уж ты, сестрица, знаешь, раскаленной лавой течет по нашим жилам и нами управляет. Нас влечет она все то творить, что ублажает нашу суть и доставляет наслажденье: во сне душишь людишек бесполезных, приносить страдания в те дома, в которых по нам томятся и скучают, входить на цыпочках, тихонько, в жизнь женщины какой-нибудь и враз лишить ее всего – слов, рассудка, сердца...

-- Я ей скажу: сестрица, ты не затем пришла, чтоб плохо сделать мне, не так ли? Тебе я нужен, ты во мне давно признала апостола и своего ученика, слугу низжайшего, и даже больше : брата... Да, брата, которого, а он всегда того желал, ты воспитала и взрастила по своим канонам, и который на земле тобой для тонких поручений оставлен, другой причины нет. А может хочешь ты его... С собою рядом посадить на том же троне, в царстве вечной тьмы, чтоб помогал тебе в работе...?

-- Я все тебе отдам, скажи, чего ты хочешь? (начинает возбужденно носиться по сцене).

-- Хочешь пировать? Ты голодна, устала, притомилась, был слишком долг путь (снова возле стола, показывает блюда)! Вином себя утешить пожелаешь, верно? Я не ошибся, ты вина желаешь.. красного, а? Тебе по нраву вино цвета крови человеческой? Вижу, все мало для тебя... Ты хочешь золота, да! и ты его получишь!

Походит к шкатулке, которая до этого момента была спрятана в сейфе, достает, открывает, показывает содержимое:

-- Загляденье, правда? Нет... Тут надо кое-что другое... Лепорелло! Вот! Я тебе дам Лепорелло, он мой слуга...

ЛЕПОРЕЛЛО:

-- Нет, это уже перебор, ваша светлость, я в отставку подаю... я подаю в ...

ДОН ДЖОВАННИ:

--... Он, знаешь ли, всегда исполнит все, что ни прикажу. Такая чистая душа, он...

ЛЕПОРЕЛЛО:

-- Не правда ваша, все совсем не так, я утром давеча наврал с три короба, и на исповедь сто лет уж не ходил, а стало быть, и не причащался...

ДОН ДЖОВАННИ:

-- Еще чего-нибудь желаешь? Вот... Да... Вот, бери мои башмаки.... (в спешке снимает туфли)... Еще чего... А! Моя куртка, у нее пуговицы, видишь, золотые... (снимает; затем хочет снять еще и рубашку, но вдруг останавливается в раздумье, затем падает на колени). Да что ж это я несу такое? Как я не догадался сразу... Ведь ты... Ты и есть та самая моя десятая карта... Ты одна хозяйка, собственница времени, отпущенного мне и часа моего, который пробил... Ты... Ты та синьора из серебряного замка... Ты.. Меня ты хочешь, верно? Забрать желаешь у меня все, все,

чем владею... (хватает сейф, ложится на простыню, закутывается в нее как в саван)... И взятку не берешь, и подкупить тебя мне нечем...

-- Сме-е-ерьть! Иди, вот я, бери, поторопись! Я жду тебя, но сил терпеть уж больше не осталось, мочи нет, сыграть с тобой хочу в последнюю игру, чтоб до конца всех тайн твоих и таинств причаститься... узнать, изведать все сокровенные твои... Сме-е-ерьть! Давай, хватай костистыми крючками, впивайся, рви когтями это тело, и дай мне... Пусть я в конце пути почувствую хоть раз единый, что жив я, и что -- человек!

ЗАНАВЕС.